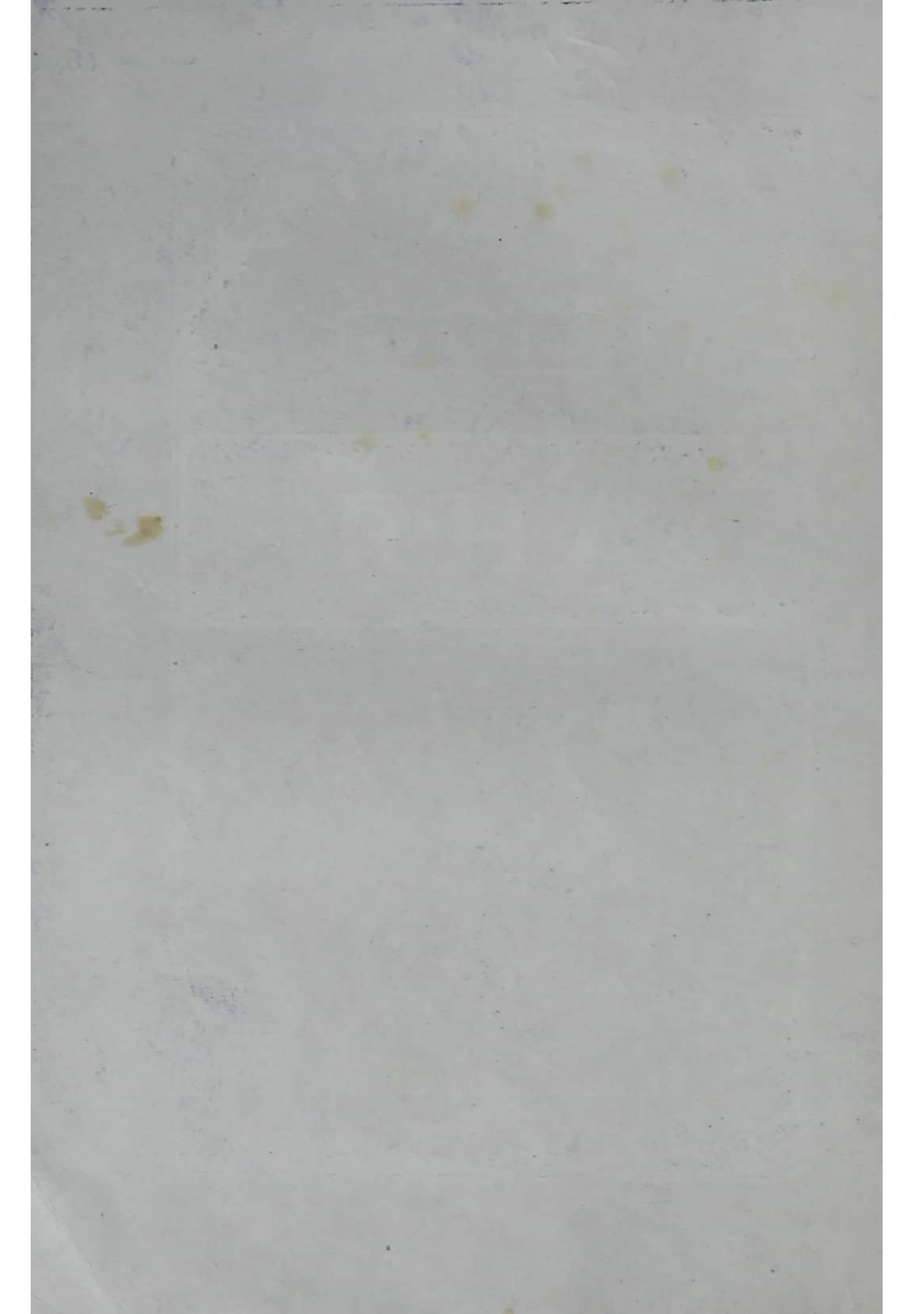

10.217к 22

1943

Заметки

Людмила
Людмила
Людмила
Людмила

М. КОЧНЕВ

10.217к

Людмила
Людмила

94

ОГИЗ
ИВАНОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1943

2010

М. КОПЧЕВ

Редактор *Д. Н. Семеновский.*
Художник *Н. Я. Соколов.*
Подписано к печати 19/1 1943 г.
КЕ-19010. Тираж 5000 экз.
Печ. л. 2¼. Уч.-изд. л. 1,6.
В печати. л. 29 008 тип. зн.
Цена 1 р. 20 к.

Типография издательства Ива-
новского областного совета де-
путатов трудящихся, Иваново,
Типографская, 4. Заказ № 7389.

ИВАНОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

По снежному полю гуляет
Трескучий московский Мороз,
В лесу серебром осыпает
Макушки осин и берез.

Сегодня он, хмурый и строгий,
Походкой военной идет
Неторной прямою дорогой
По зарослям мелких болот.

Глядит на подбитые танки,
На трупы солдат у плетней,
Глядит на следы партизанки
И бодро шагает за ней.

Качнет задремавшие лозы,
И с маковок снег отряхнет.
Узнать захотелось Морозу,
Куда партизанка идет.

Здесь битвы недавно кипели,
Снег в розовый красили цвет,
Здесь пули горячие пели,
Здесь немцам сломали хребет.

Отсюда враги уходили
Поспешно на запад, назад,
И даже зарыть позабыли
Убитых, замерзших солдат.

Шагает Мороз за девицей,
И шапка и брови во льду,
От быстрой ходьбы краснолицый
Шинель распахнул на ходу.

Те села, где немцы, сторонкой
Обходит с девицей Мороз.
Он снежною осыпью тонкой
Украсил ей пряди волос.

* * *

А по полю вихри крутились,
Дорогу поземка мела.
К полночи они очутились
Вблизи небольшого села.

Кругом оглядевшись сначала,
Боясь, не заметил бы фриц,
Девица в окно постучала.
Послышался скрип половиц.

Мигала оплывшая свечка,
Фонарик качался в руке,
Стоял человек на крылечке
Без шапки, в одном пиджаке.

— Я, доктор, за вами явилась, —
Сказала девица ему.

И дверь за девицей закрылась,
А вьюга летела во тьму.

В избе горячо натопили —
Мороз побоялся тепла
И, в избу проникнуть не в силе,
К окну подошел от угла.

В стекло заглянуть он старался,
Вплотную к окошку приник.
А доктор уже одевался,
Накинул на плечи башлык.

И доктора слов не услышал
Мороз, притаясь вдалеке,
Когда тот оделся и вышел,
Держа чемоданчик в руке.

Такой озабоченный, строгий,
Шагал он задами села.
Его потайною дорогой
В леса партизанка вела.

— Андрей Николаич, вот вьюга так вьюга,
Ползком, но должны доползти.
Андрей Николаич, хорошего друга
Должны вы от смерти спасти.

Подняв воротник полушубка,
Сосульки сорвав с бороды:
— Несу порошки я и трубку, —
Живой не имею воды, —

Ей доктор угрюмо ответил
Густым и приятным баском.
Мороз, удивленный, заметил,
Что слезы с ресниц кулаком

Тогда партизанка смахнула,
Шагая упорно вперед,
И с грустью глубоко вздохнула:
— Ужели Белугин умрет...

* * *

Под елками спрятаны танки,
И грозен их вид боевой.
Стоит под сосной у землянки
С винтовкой в руке часовой.

Уводят пришельцев ступени
В землянку. В ней фитиль дрожит.
В углу полутемном, на сене,
Больной под шинелью лежит.

— Что мучит, рассказывай, ну-ка,
И доктор погладил усы.
Взял руку больного, горячую руку,
Достал из кармана жилетки часы.

— Болезнь не опасная. Кашель
И насморк. Обычный летучий гриппок.
А мне насажала подруга-то ваша,
Что вы умираете. Вот порошок.

Примите. И чаю побольше попейте,
Укутайтесь шубой теплей,
Разочек, другой до утра пропотейте,
Да так, чтоб до самых костей.

Двумя полушубками Аня накрыла
Больного. Огонь развела.
И чай в котелке заварила
И целый стакан для него налила.

А утром, склонившись к его изголовью
И руку на грудь положив,

Промолвила с теплой любовью:

— Володя, я рада, ты жив.

А я-то вчера напугала,
Хлопот задала старику:
Ему сгоряча насаказала,
Что ты подхватил сыпняку.

Верст десять мы с ним по сугробам
Плутали, шагая сюда.
Устали, измучились оба,
Да это пройдет — не беда.

Над лесом заря разгоралась все шире,
Окрасив вершины берез.
Шагал в генеральском мундире
По частому лесу Мороз.

Вышла ночью она из землянки.
От сугробов поляна бела.
В теплом ватнике, в шапке-ушанке
Осторожно к селенью пошла.

Вот просветы знакомой опушки.
Все деревья, как в шубах, в снегу.
Где-то бьют дальнобойные пушки,
Посылают гостинцы врагу.

От снарядов все небо в зарницах,
Фронт заносит железный кулак.
Пролетая над Красной столицей,
Черным вороном каркает враг.

Нет, руки не снимать с пистолета,
Биться насмерть с фашистской ордой,

Коль на девушке шапка надета
С дорогой пятикрылой звездой.

Этой ночью серебряно-синей
Почему-то припомнилось ей,
Как Алеша Попович с Добрыней
Гарцовали средь русских полей.

Обаятельных образов много
Ночью в памяти светлой встает.
И решительно снежной дорогой
Партизанка в селенье идет.

Вот и рига, сарай, молотилка.
Не следят ли. Прижалась к стене.
В сумке целы с горючим бутылки,
И гранаты висят на ремне.

Чу. Доносится говор немецкий,
Как в избе приоткроеся дверь.
Слышен плач, раздирающий детский:
Страшен меченый свастикой зверь.

Вот во тьме закрипели ворота,
Пес, проснувшись, затыкал во мрак.
По гумну пробирается кто-то,
Кто — неведомо: друг или враг.

Знала Аня: в фашистские руки
Попадешься — дорога одна.
И готовой на смерть и на муки
Шла на смелое дело она.

— Кто идет? Отвечай! — Но ответа
Не донес до ушей ветерок.

Анна вскинула ствол пистолета,
Палец лег на послушный курок.

Неподвижно стоит партизанка,
Устремив на идущего взгляд.
Видит Аня: подходит крестьянка,
Мать обиженных немцем ребят.

На крестьянке дубленая шуба
И разорванный черный платок,
Глаз подбит, окровавлены губы,
Смочен кровью волос завиток.

Баба в лапти худые обута, —
Немец отнял ее сапоги.
— Ты чего притаилась тут?
Аль не знаешь: в селеньи — враги.

Вижу, вижу, что ты партизанка.
Ты, девица, меня не страшись.
Знаю я, — говорила крестьянка, —
Лучше смерть, чем с фашистами жизнь.

И когда же прогонят проклятых.
Ох, как горько, в словах не сказать.
Два солдата в избе при ребятах
Повалили меня на кровать.

Бейте, соколы, лютого гада.
Мстите, милые, мстите врагу.
Делай, девушка, делай, что надо, —
Я тебе всегда помогу.

Коль заметят и будет погоня, —
Пусть немецкие свиньи орут, —
Мой-то дом у берез, на прогоне,
Я калитку тебе отопру.

Если что, ты скрывайся в калитке.
Переждешь на полатках пока.

Не боюсь я, хоть знаю: по нитке
Доберутся они до клубка.

— Вот за это спасибо, гражданка.
Верьте: близок победный наш день. —
На конюшню пошла партизанка,
Перепрыгнула через плетень.

Месяц темная гучка закрыла,
Опустилась морозная мгла,
Партизанка бутылку открыла,
До немецкой конюшни дошла.

Партизанке и ночь помогала
План удачливо выполнить свой.
Подошла, от угла увидала:
У конюшни стоит часовой.

Часовому и зябко и скучно:
Снял перчатки, подул в кулаки,
Пошагал вдоль забора конюшни,
Не снимая с винтовки руки.

Полминуты — и вспыхнуло пламя,
Часового рассеялась сонь.
Над конюшней, как алое знамя,
Языкастый взметнулся огонь.

Немцы мечутся, бегают, свищут,
Псов цепных разъяренней и злей,
Поджигателя яростно ищут,
Бьют ни в чем неповинных людей.

Сердце часто забилося у Ани.
Притаилась, стоит у гумна.
Не уйти, очутилась в капкане
У фашистов свирепых она.

По дороге промчалась погоня,
Потонула в морозной пыли.
А при входе в село на прогоне
Зорко смотрят кругом патрули.

Аня в снег покатилась с разбегу,
От прожектора скрылась она.
По-пластунски по чистому снегу
Поползла от гумна до гумна,

Путь короткий себе выбирая
Мимо сада и мимо плетней.
И опять поднялась у сарая,
Где колхозница встретилась с ней.

Виснут инея тонкие нитки,
Осыпаются с веток на снег.
Вдруг, не скрипнув, открылась калитка,
Машет Ане рукой человек:

— Это ты? Заходи, голубица,
Схоронись на дворе поскорей.
До крыльца не ходи, там убийцы
Со штыками стоят у дверей.

Не отдам тебя в лапы зверюгам,
Всем, чем можно, я рада помочь,
Для тебя буду матерью, другом,
Накормлю, как родимую дочь.

На полатках согреешься в сене,
И мороз никакой не проймет. —
На крыльце заскрипели ступени,
Это немец проклятый идет.

— На полатки скорей полезай-ка. —
Влезть девице наверх помогла

И, укрыв ее сеном, хозяйка
Со двора потихоньку пошла.

В хате — недруги. Возле порога —
Два солдата вином налиты.
Длинный немец допрашивал строго:
— Поджигателя спрятала ты.

Где он? Скажешь, — я дам тебе денег.
— Не возьму, хоть насыпьте мешок.

Кто-нибудь из других деревенок
Приходил и конюшню поджег.

— Врешь. — Не вру. — Ну, тогда мы проверим,
А найдем — я повешу и твой.
— Обыскать. — Отделился от двери,
Начал обыск в избе часовой.

Злобой вражьей гляделки блестели,
Недовольный немецкий солдат
За рубашки хватал и с постели
На пол скидывал спящих ребят.

— Что ты делаешь? — Мать закричала
И хотела к детишкам шагнуть.
Покачнулась и на пол упала
От удара тяжелого в грудь.

И, синишку к груди прижимая,
Кровь рукой утирая с лица,
Мать воскликнула, с пола вставая:
— Проклинаю тебя, подлеца...

Не нашли партизанку солдаты
И пошли у соседей искать.
Долго плакали в хате ребята,
Обнимая избитую мать.

Утром немцы согнали на площадь
Всех колхозников.

— Руссиши, знайт,
Я за каждый мой жареный лошадь
Буду десять людей убивайт. —

Так вопил офицер: — Мой научит
Уважать наш германский слова.
Десять тысяч рублями получит, —
Кто возьмет партизан голова...

Но людей отпустили, однако.
Старый дед, уходя, произнес:
— Вот твою-то бы, злая собака,
Топором я бесплатно бы снес.

* * *

Утром Марья картошку сварила,
Партизанку за стол позвала,
Напоила ее, накормила
И перчатки свои отдала.

— На, роднушка, рукам потеплее.
Мы бы все кое-чем помогли,
Только дьявола-немца скорее
Прогоните с колхозной земли.

Ждем мы вас, соколят, на подмогу,
У фашистов в аду мы сидим.
От зари до зари на дороге
На московскую часто глядим.

Скоро ль наши покажутся танки,
Долго ль будем томиться еще? —
И слеза за слезой у крестьянки
Покатилась горохом со щек.

Минул день, на поля опустилась
Ледяная холодная мгла.
Партизанка у леса простилась
С теткой Марьей и дальше пошла.

Долго Марья на месте стояла,
Уходящей смотрела во след.
На пуховых снегов одеяла
Падал лунный мерцающий свет.

— Мы придем. — И слова партизанки
От опушки лесной до села
В сердце, полном надежды, крестьянка
Дорогою находкой несла.

Поздравляя с успехом девицу,
Говорил ей седой командир:
— Отправляйся на отдых в столицу,
На родимую мать погляди.

— Не поеду, — ответила Аня:
— Маму я не видала давно,
Но прошу: боевое задание
Поручите еще мне одно.

Знаю я у фашистов два склада,
Их взорву и — домой, как вернусь. —
Усмехнулся начальник отряда:
— Не боишься? — О, нет, не боюсь.

Вынув том в золотом переплете,
В мир иной погрузилась она,
В мир волшебной поэзии Гете,
Отнимая минуты у сна.

— Немцы, вы истязаете, жжете,
Убиваете в каждом селе.
И не верится сердцу, что Гете
Жил и дел на немецкой земле.

Пробегая глазами страницы,
Партизанка сказала себе:
— Преступления гений боится,
Значит, с нами он в этой борьбе.

И, плененная силой поэта,
Опьяненная музыкой строк,
Не уснула она до рассвета,
За листком отгибая листок.

Вновь дорога, кустарник, полянки,
Лес, сияньем луны залитой,
Все чарует глаза партизанки
Первобытной своей красотой.

Спят столетние сосны и ели,
Вскинув пики—макушек концы;
Все деревья халаты надели,
Как готовые в битву бойцы.

Под сосной партизанка стояла,
И сейчас показалось ей:
После битвы горячей дремала
Рать несметная богатырей.

Вот послышится зов полководца,
Засверкают зарницы очей,
Богатырское войско проснется,
Лес осветится блеском мечей.

Молча Аня стоит, вспоминая
Незабвенных событий куски.
Битвы славные, была ты родная,
Как вы русскому сердцу близки.

В дне вчерашнем гордиться нам есть кем:
По сугробам таких же лесов
Люди русские двинулись с Невским,
Опрокинули рыцарей-псов.

Сном глубоким объята природа,
И могуч и пленителен он.
Молчаливые звезд хороводы
Опоясали синь-небосклон.

В эту ночь города, полустанки,
Села, рощи обходит Мороз.
И в бойцовские только землянки
Показать он не хочет свой нос.

Партизаны огни разложили,
С треском сучья сухие горят.
Как в разведку к фашистам ходили,
Удалые бойцы говорят.

И Мороз их обходит сторонкой:
Пусть бойцы отдыхают в тепле.
И шаги его твердо и звонко
Раздаются по мерзлой земле.

Он сегодня опять воевода.
Хоть и стар, но на битвы готов.
Это он поднимает природу
Изгонять ненавистных врагов:

— Нет, им в шалах старух не согреться,
Не спасись от меня у огня,

Никуда нынче немцам не деться,
Нагоню, не уйдут от меня.

Постоял на полянке открытой,
Автоматом постукал сосну,
Сдвинул сивые брови сердито:
— Нынче к немцам опять загляну,

Ноги их к сапогам приморожу. —
Улыбнулся начальник седой
И, на старца совсем не похожий,
Пошагал, как боец молодой.

Только лед затрещал под ногами,
Лед озер и полесных болот.
По широкому полю снегами
Дед к немецкому стану идет.

Сам с биноклем, в казацкой папахе,
А вперед он послал ветерки.
И фашисты забежали в страхе,
Греясь, дую себе в кулаки.

А Мороз-победитель хохочет, —
Партизанке слышать от сосны.
Он фашистское логово хочет
Навещать до глубокой весны.

* * *

Под лесной, несмолкающий шорох
Возвращался Мороз из гостей.
Нынче он в ледящих просторах
Пронял немцев до самых костей.

Ожидают напрасно в Берлине
На побывку голодных солдат.

У Можайска, под Клином, в Медыни
Трупы немцев, как бревна, лежат.

Их пурга отпоет, похоронит...
Тихо, сумрачно в поле пустом.
Вдруг Морозу послышалось: стонет
Кто-то там в стороне, под кустом.

Он подходит к кусту. В шинелишке
Замерзает немецкий солдат.
На ногах его длинных калишки,
Пальцы синие в дыры глядят.

Пред собою увидев Мороза,
Он забыл про грабеж и разбой.
В снег роняя горячие слезы,
Обратился к Морозу с мольбой:

— Полк разбили наш в битве вчерашней,
Не морозь ты меня, пожалей,
Жить хочу я... Я плачу, мне страшно
Замерзать среди русских полей.

У меня — и жена и детишки,
Я подарок для них приберег.
Не морозь, пощади. В шинелишке
Я озяб, я до сердца продрог.

Но слезливым мольбам не внимая,
Гневно дышит на немца Мороз.
Только ночь услышала немая.
Что седой генерал произнес:

— Ты теперь вот пускаешься в слезы,
Как бездомный кутенок, продрог.
А забыл ты, как грабил колхозы
И как в избах колхозников жег.

Ты бы прожил, я вижу, на свете
С наслаждением десять веков.
Не тобой ли расстреляны дети
И не ты ль убивал стариков?

Кто тебя из-под кровли домашней
В это поле широкое звал?
Нивы тучные наши и пашни
Ты зачем летом танками мял?

Я мольбы презираю и слезы.
От Мороза пощады не жди.
Ты видал генерала Мороза?
Не видал. Ну, так вот, погляди.

Потрясая своим автоматом,
Воевода глазами сверкнул,
Снежной глыбой навис над солдатом,
Леденящею стужейдохнул.

И солдат замолчал на полслове,
Разметнувшись пластом на снегу.
А Мороз уж держал наготове
Труп засыпать лихую пургу.

* * *

Встал Мороз у кустов и дивится,
Смотрит, чувством объят молодым:
Под сосною высокой девица —
Партизанка стоит перед ним.

Снег лежит на деревьях, как вата,
И Мороз на минуту застыл.
Показалось, что видел когда-то
Он девицу, но где — позабыл.

Вдруг он вспомнил: на школьную елку
Приходила малютка в платке.

А потом он встречал комсомолку
На московском веселом катке.

И не эта ли девушка к другу
Мимо вражьих постов из села
Темной ночью, в кипящую вьюгу,
По сугробам врача привела.

Он ее хорошо приметил,
В сердце девичий образ унес.
А теперь вот опять ее встретил
В эту ночь голубую Мороз.

Захотелось Морозу девицу
Под высокой сосною обнять.
Но и шагу ступить он боится,
Жалко девичьи мысли прогнать.

Нет, над ней он не властен, не волен,
Волен только коснуться волос.
Он и тем нынче очень доволен,
Что ее повстречать привелось.

Расточительно щедрый от счастья,
Рассыпал он вокруг жемчуга,
Раздавал золотые запястья
Партизанки покорный слуга.

И когда он весь лес разукрасил,
Все деревья в алмазы убрал,
Он пошел от сосны во-своися,
Седоусый Мороз-генерал.

Не заметила Аня, что рядом
Был Мороз и неслышно исчез,
И причудливым пышным нарядом
Для нее разукрасил он лес.

Пришла на село партизанка,
Калитку подержала, ждет.
И снова поспешно крестьянка
Навстречу девице идет.

Узнала — и в избу впустила,
Горячей похлебки дала,
Спросила: не страшно ли было
В село пробираться. — Смела

Ты, милая. — Все мы нередко
Рискуем своей головой.
Недавно был послан в разведку
Один паренек боевой,

Володя Белугин. Обрато
Он к нам не вернулся. Погиб,
Наверно, схватили. Понятно,
Как звери, жестоки враги.

Злодействуют в каждой деревне,
Замучают жертву допрежь, —
Обычай кровавый их, древний:
Захватывай, вешай и режь.

А жалко Белугина. Странно:
Какая-то боль в нем была,
О чем-то грустил постоянно,
О чем, я понять не могла.

И вот мы не встретимся боле,
Его не увижу я вновь,
Растаял он песнею в поле,
Унес в своем сердце любовь.

И Аня глубоко вздохнула.
Затихли. В молчаньи ночном

Хозяйка на печке уснула,
Забывась и девушка сном.

Лишь тикают ходики тихо,
Коптилка горит на столе
Да бродит кровавое лихо
В морозную ночь на селе.

* * *

— Вставай-ка, сварилась картошка. —
Хозяйка девицу зовет:
— Да глянь-ка, сударка, в окошко,
Куда это парень идет?

Не ваш ли? Смотри на дорогу.
Рискует своей головой.
Ведь немцы схватить его могут,
У школы стоит часовой.

Фашисты повсюду в округе. —
Глядит партизанка в окно:
— Да это Володя Белугин.
Его-то и ждем мы давно.

Да что он? Ужели не знает,
Что он на селе, не в лесу?
Дорогою к штабу шагает.
Погибнет. Его я спасу.

И, куртку накинув на плечи,
К тому, кто дорогой идет,
Бежит партизанка навстречу,
Товарища в избу зовет.

— Володька, дружище, откуда?
Скорее укройся в избе.
Фашисты здесь рыскают всюду.
А я-то грущу по тебе.

Не виделись больше недели.
Мне есть кой-о чем рассказать. —
Свинцово и злобно глядели
Раскосые парня глаза.

А девичьи очи сияли.
— Володька, хоть слово ответь. —
Они под березкой стояли.
— Да что ты молчишь-то, медведь?

Снежинки просыпала ветка.
— Или говорить ты отвык?
Или провалилась разведка?
Или проглотил ты язык?

А я-то, а я-то скучала.
О нет, ты меня не поймешь.
Я плакала даже сначала,
Я думала: ты не придешь.

Пойми ты, пойми, как я рада:
За наш за удачный поход
Нам руки начальник отряда
Железной ручищей пожмет.

И вдруг они замерли оба,
И Аня шагнула назад.
Звериной пронзающей злобой
Сверкнул его мстительный взгляд.

И Аня услышала с болью
Слова, что терзали, как нож:
— Доволен я сыгранной ролью,
И ты от меня не уйдешь.

За то, что был вами обруган,
Оплеван, как сын кулака, —

За все вам отплатит Белугин,
Не станет валять дурака.

В два пальца разбойничьим свистом
Он подал солдатам сигнал.
И, злобствуя вместе с фашистом,
У штаба девицу пинал.

— Ничтожное злое творенье.
Предатель, — войдя на крыльцо,
Воскликнула Аня с презреньем
И плюнула парню в лицо.

— Ты будешь наказан, подлюга.
Мы думали: свой человек... —
Гуляла по улице вьюга,
Кидая охапками снег.

Сосал офицер сигаретку.
Белугин бледнел и молчал;
На верную гибель в разведку
Его офицер назначал:

— Тебя бы повесить нам надо.
Тебе мы оставили жизнь.
Ступай к командиру отряда
И снова в доверье вотрись.

Скажи, что здесь немцев немного.
Сюда приведи партизан.
Мы встретим их. Эта дорога
Для них превратится в капкан.

Чего ж ты невесел, Белугин?
Бледнеешь и губы дрожат?

Или пожалел о подруге.
Или предложенью не рад?

И парень, прося о пощаде,
Упал на колени: — Меня
Теперь в партизанском отряде
Убьют... расстреляют у пня.

Пошлите других. Я сумею
И здесь вам неплохо служить,
Поверьте: я предан вам всею
Душою... и дайте мне жить.

Роняя обильные слезы,
Подлец на коленях стоял.
И немец оставил угрозы.
— Садись, — он брезгливо сказал.

— Ты болен... растрепаны нервы,
Но мы неплохие врачи.
Такой ты нам встретился первый,
Придется тебя подлечить.

Введите сюда партизанку, —
Солдату сказал офицер.
Открыл он с консервами банку
И кильки азовские ел.

Сапожное шило блестело.
Вонзенное в доску стола.
Минута — и дверь заскрипела,
И в комнату Аня вошла.

— Белугин, я слову не верю. —
Сказал офицер. — И сейчас
Тебя я на деле проверю:
Вот шило, а вот ее глаз,

Коли его. Хватит ли силы? —
Он кильку из банки достал.
Кривое сапожное шило
Белугин с готовностью взял.

— Прикажете левый иль правый?
Иль оба? И оба берусь.
— Ого, да ты, кажется, бравый,
Решительный парень, не трус.

Позвал офицер часового,
И тот партизанку увел,
А шило сапожное снова
Вернулось на низенький стол.

Рассеянно глядя куда-то.
Начальник сидел и молчал.
Вошли два немецких солдата,
Винтовки держа у плеча.

— Белугин, твой мы услуги
Оплатим. Вот этих солдат
Ты нынешней ночью. Белугин,
Сведи в партизанский отряд.

Ты знаешь лесные дорожки.
Сведешь — возвращайся назад,
Вернешься — подлечим немножко. —
Белугин ответил: — Я рад. —

И к двери направился первый,
Лицом отвратительно сер.
— У парня истрепаны нервы. —
Солдатам мигнул офицер.

* * *

Гуляют московские вьюги,
И столб телефонный гудит.

В снегу утопая, Белугин
Шагает селом впереди.

За ним два высоких солдата.
Дорогу метель замела.
Под ивой развесистой хата
Стоит на отшибе села.

А дальше — просторное поле.
Окутано снежною мглой.
И ветер гуляет на воле,
Скрипит на морозе ветлой.

Итти не хотелось солдатам
Подальше в такую пургу.
Пристреленный около хаты
Белугин лежал на снегу.

* * *

Слышен в горнице говор немецкий,
Переводчика хриплая речь.
В кухне конь на колесиках детский,
Петухами украшена печь.

А на печке седая старуха
Слеповатые щурит глаза,
Смотрит с печи и, кашляя глухо,
Что-то хочет девице сказать.

— Ты откуда? — промолвила тихо.
— Я не здешняя, бабушка. — Чья?
— Издалека. — Ой, злобствуют лихо
Звери-немцы, — узнала их я.

До упаду и бьют и тиранят,
Как поймают себе „языка“.
А наемни, под вечер, в чулане
Закололи штыком мужика.

Чем уж только беднягу ни били,
Офицер, словно коршун, терзал.
Чей мужик, так и скрылось в могиле.
Закололи, а он не сказал,

И напрасно. Сознаться бы надо.
Коль попал, обо всем рассказать.
Может быть, и была бы пощада.
А чего уж таить да скрывать.

И тебя будут спрашивать тоже.
Не противься — погубят, забьют.
Раздевают и звезды на коже
Вырезают и волосы жгут.

А тебе еще жить, голубица.
Ты совет бы исполнила мой:
Лучше все рассказать, покориться,
Может быть, и отпустят домой.

Уж и как только ты залетела,
Быстрокрылая ласточка, к нам?
То не бабье, сударушка, дело
С пистолетом ходить по лесам.

— Я пошла на войну добровольно,
И от пытки не дрогну, поверь.
— Ой, заплачешь. Терзать будут больно.
— Пусть и больно, — я знаю, что смерть

Ждет того, кто попался им в когти,
Знаю я, что они палачи. —
Горько бабка вздохнула, на локти
Опершись на горячей печи:

— Непокорна ты сердцем, детинка,
А красива, стройна, молода.

Я таких-то, как ты, на картинке
Не видала всю жизнь никогда.

Жаль: краса твоя даром увянет
Ой, послушай меня, не гордись.
Пусть их там мужики партизанят. —
Пожалей свою юную жизнь...

Шепеляво старуха низала
Слово к слову, как бусы на нить.
— Ты бы, бабка, мне лучше сказала.
Хорошо ли при немце-то жить?

— Ох, чего тут хорошего, внука?
Чай, земля-то прогоркла от слез.
Не житье у народа, а мука:
Растащили фашисты колхоз,

Все в домах-то забрали до итки,
Уж теперь больше нечего брать.
Каждый день все убийства да пытки.
И чего тут хорошего ждать.

Вот пришли да и валенки сняли,
Разломали штыками сундук,
Сарафан утащили, две шали
И овчин захватили пять штук.

Кур и уток побили и съели,
Только вот и оставили печь.
Да и дом-то спалить все хотели.
Им и словом ни в чем не перечь.

* * *

Кто-то крикнул в прирубe за дверью,
Каблуками за стенкой куют.
Головою кивнула Лукерья:
— Слышь, учителя нашего бьют.

Здесь конюшню сожгли. Подозренье
На учителя пало, — и вот
Вражья шайка его на мученья
Осудила. До смерти забудет.

За стеной продолжались пытки,
Часто слышался стонущий звук.
С потолка водолазом по нитке
Над столом опускался паук.

— Ты конюшню поджег на рассвете?
— Нет. — И слышен удар по лицу.
— Ты скрывал партизана в подклети?
— Нет. — Соленых плетей молодцу.

Палачей заскорузлых семейка
Сбила снова учителя с ног,
Растянула его на скамейке
И порола. Кричать он не мог.

Партизанка вскочила со стула,
Горделиво лицо подняла,
Часового плечом оттолкнула
И в прируб, где пытали, вошла.

Но ее отодвинул к порогу
Длинноногий, костлявый солдат.
Закричала и гневно и строго:
— Не пытайте, не он виноват.

Знайте, звери, презренные гады, ---
Я конюшню у вас подожгла.
— Сознаетесь. Отлично. Мы рады.
Кто ж послал вас на эти дела?

Офицер, горбоносый и рыжий,
Щеки жирные туго надул,

Подошел к партизанке поближе,
Обессиленно плюхнул на стул.

— Простоишь до утра на морозе,
Я не дам вам ни пить и ни есть,
Будешь плакать, покатятся слезы,
Мы прикажем солдатам: повесь.

— Плакать. Камень скорее заплачет.
Нет, моих не увидите слез.

— Что сказала ты? Что это значит? —
Начался бесконечный допрос.

— Сколько вас партизанит в районе?
Где находится главная часть?
Есть ли танки, орудия, кони?
С населением имеется ль связь?

Сняли ватную куртку и брюки,
Партизанку кололи и жгли,
Долго били, ломали ей руки,
Но добиться двух слов не могли.

На мороз выводили раздетой.
Шла босая по снегу в ночи.
Таял мрак под лучами рассвета.
Утомившись, ушли палачи.

Партизанка на лавке лежала.
Сжала зубы, закрыла глаза.
Боль жестокая тело терзала,
В сердце гнев закипал, как гроза.

* * *

А на площади яму копали,
Прибивали кольцо на столбе.
Этой ночью сельчане не спали
Ни в одной молчаливой избе.

Рано утром солдаты штыками
Их согнали на площадь села.
К месту казни босыми ногами
Синеглазая девушка шла.

Шла спокойно и твердо. Солдаты
Партизанку к столбу подвели.
Дробно искрился снег непримятый
В полевой необъятной дзак.

Ярко зимнее солнце сияло,
Ветер петлю качал на столбе.
Партизанка под петлей стояла
И народ призывала к борьбе:

— Выше головы. Гордо глядите!
Нет, не нужно рыданий и слез.
Верю, вы за меня отомстите,
Мне самой отомстить не пришлось.

Разгорайся, восстания пламя.
Чу! Орудий зовут голоса.
Собирайтесь под красное знамя,
К партизанам идите в леса.

Вечно светлому солнцу свободы
Над Советской страной гореть.
Тяжело умирать в мои годы,
Но и счастье, как я, умереть.

Псы-фашисты, не так вы умрете,
Не для вас золотые лучи:
Вы издохнете, вживе сгниете,
Не солдаты вы, нет, палачи.

От разбоев в крови ваши руки.
Местью к вам даже камни горят.

Он сошел с площадки и
был встречен женой.

Мать его, сестры и братья,
все было с ним на пути.

За меня и за все мои муки
Люди нашей страны отомстят. —

Ярко зимнее солнце светило.
Дальних рощ голубело кольцо.
Благородно и трепетно было
Молодой партизанки лицо.

— Братья, сестры, сплотитесь немедля,
Грудью встаньте за счастье свое, —
Громко крикнула Аня, — и петля
Туго стиснула горло ее.

Не сдержались колхозники: слезы
На глаза навернулись одним,
А другие шептали с угрозой:
— За погибшую жизнь отомстим.

Слова партизанки услышал
С далекой опушки Мороз,
И гневный из леса он вышел
К дороге, ведущей в колхоз.

Он рвется сразиться с врагами,
За горло злодеев схватить,
Спешит голубыми снегами
За юную жизнь отомстить.

Кого он теперь приголубит?
Не дрогнет у старца рука:
Он сотни фашистов загубит
За эту злодейскую казнь.

Могучий, суровый и строгий,
Готовый с врагами на бой,

Прошел он по сельской дороге,
Пугнул ребятишек стрельбой.

Шепнул: — Уходите отсюда
Под кровли родительских хат.
Сегодня безжалостно буду
Морозить немецких солдат.

* * *

Затихло село, опустело,
Простор серебристый молчал.
Еще неостывшее тело
Над площадью ветер качал.

Морозу-герою скорбеть ли?
К столбу подошел генерал,
Коснулся веревочной петли
И тело повешенной снял.

Уж первые звезды блеснули,
Гремит в отдаленьи пальба,
В почетном стоит карауле
Воитель-Мороз у столба.

Стоит он, суровый и грозный,
Дорога звенит, как металл,
И кажется: воздух морозный
Он гневом своим пропитал.

Бьют пушки. Широкий, багровый
От зарев дрожит горизонт.
На битву с врагами готовый,
Мороз отправлялся на фронт.

Проходят советские танки,
Знамена гвардейцев шумят.
О той молодой партизанке
Над Родиной песни гремят.

На запад летит быстрокрылый
Воздушный корабль-боевик.
Поник над девичьей могилой
Седой молчаливый старик.

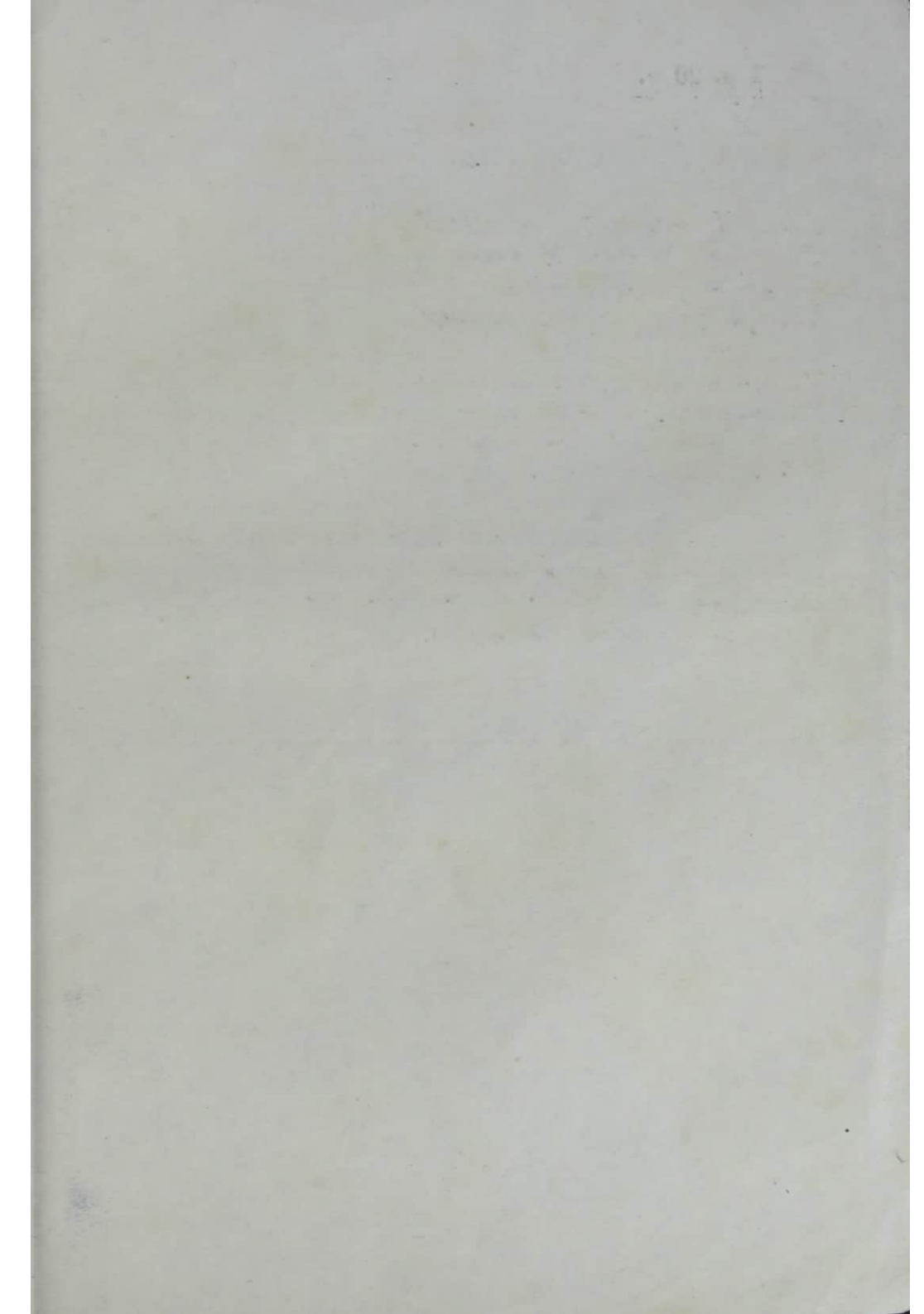
Здесь в зимнюю пору нередко
Стоял на дозоре Мороз.
Ветки и зеленые ветки
Теперь сюда кто-то принес.

Покойся же с миром, орлица!
Пусть сердце цветком прорастет.
Мы будем за Родину биться,
С врагами закончим расчет.

Пусть светит нам облик твой милый:
Улыбка и взгляд молодой
Под шапкой с звездой пятикрылой,
Советской победной звездой.

Март — июль 1942 г.

1 р. 20 к.

Эстр. сб. и планш. — 200
По слобу за рецензию с СП — 100
За восторж. в саду, хл. — 100
(забл. велу)
(за реч. с ПИМ)
(альманат)
(текст сборн.)

IV

Продана старая жупа и шапел

10. 217к

